

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ*
(1265 — 1321)
Итальянский поэт

Поэт происходил если не из знатного и богатого флорентийского рода, то все же из семьи, на прошлое которой он смотрел с гордостью. Одному из своих предков, Каччагвида, поэт поставил памятник в «Божественной Комедии». Этот Каччагвида – первый документально установленный предок Данте – родился в 1106 году, участвовал в 1147 году в неудачном крестовом походе Конрада III, был в Святой Земле возведен в рыцарское достоинство в награду за храбрость и, не увидев Иерусалима, погиб в сражении с мусульманами. Жена Каччагвиды происходила из семьи Альдигьери, или Алигьери, родом, по-

видимому, из Феррары, и от нее-то фамилия и перешла на ее потомство. Старший ее сын, названный Алагиери, был прадедом Данте и имел сына Беллинчоне, а сын этого последнего, тоже Алагиери, был отцом поэта. Предки Данте принадлежали к партии гвельфов. Отцу и деду его пришлось два раза претерпеть изгнание вместе со своей партией.

В последний раз изгнанники вернулись во Флоренцию в 1267 году. Данте родился во Флоренции в конце мая 1265 года и был крещен здесь в церкви Сан-Джованни. Ему дали имя Дуранте, сокращенно Данте. О родителях Данте нет почти никаких сведений. Так

*Рисунок из книги «History of the world» by J. W. Hall, ©World Publications Group Inc., 1988, 2002.

же мало известно и о том, где и как он учился. Об одном лишь учителе Данте, а именно о Брунетто Латини, известно со слов биографов, и больше всего на основании следующих строк о нем самого Данте в «Божественной Комедии»:

Я впечатлен в душе своей навек
Ваш добрый вид, отеческий, бесценный,
Познав от вас, чем может человек
Достичь бессмертия в сей жизни тленной.
И как ценю я вас, пока дышу,
Мои уста поведают вселенной...
(Перевод Мина.)

Брунетто Латини влиял на Данте своими сочинениями, своим словом; быть может, последний слушал его в Болонском университете. Он был также учителем Гвидо Кавальканти, лучшего друга Данте и весьма известного поэта той эпохи. Сам Брунетто – тоже поэт – преимущественно прославился своею ученостью. Поэтические сборники его – «Tesoro» и «Tesoretto»* – долгое время вызывали всеобщее удивление тем, что человек мог усвоить столько научных сведений и излагать в стихах Аристотеля и Птолемея.

Брунетто Латини, очевидно, положил основание энциклопедическому и классическому образованию Данте. Но греческий язык, как и все его современники, Данте знал плохо, что доказывают некоторые его неверные цитаты.

Друзей молодости Данте находил в художественной, музыкальной и литературной среде. Так, например, Каселла, тогдашний известный певец, был, по-видимому, очень дружен с Данте, так как даже в «Чистилище» Каселла, встретившись с поэтом, уверяет его в своей любви, а Данте вспоминает о пении его, которое «утоляло в нем всякие горести». Данте был также дружен с художником Чимабуэ, с известным в то время миниатюристом

Одеризи и с Джотто, реформатором итальянской живописи. Существует прекрасный портрет молодого Данте, срисованный с него Джотто, вероятно, в период времени между 1290-1295 годами и только, в 1840 году, открытый на стене часовни Del Podesta во Флоренции. Близкими друзьями Данте были поэты Лапо Джанни, Чино да Пистойя и в особенности Гвидо Кавальканти. С Чино да Пистойя, который был моложе Данте на пять лет, известным юристом и одним из лучших лириков того времени, впоследствии учителем Петрарки, Данте, вероятно, сошелся позже, во время своего изгнания. Основатель новой флорентийской поэтической школы, непосредственный предшественник и впоследствии лучший друг творца «Божественной Комедии», Гвидо Кавальканти был, по-видимому, значительно старше и в то время, когда Данте только вступил на литературное поприще был уже известным поэтом.

Наиболее выдающимся, главенствующим событием молодости Данте стала любовь его к Беатриче. Впервые увидел он ее, когда оба они еще были детьми: ему было девять, ей – восемь лет. «Юный ангел», как выражается поэт, предстал перед его глазами в наряде, приличествующем ее детскому возрасту: Беатриче была в одеждах «благородного» красного цвета, на ней был пояс, и она, по словам Данте, стала сразу «владычицей его духа». «С той самой минуты, как я ее увидел, любовь овладела моим сердцем до такой степени, что я не имел силы противиться ей и, дрожа от волнения, услышал тайный голос: «Вот божество, которое сильнее тебя и будет владеть тобою».

Десять лет спустя Беатриче является ему снова, на этот раз вся в белом. Она идет по улице в сопровождении двух других женщин, поднимает на него взор и, благодаря «неизреченной своей милости», кланяется ему так

* «Сокровище» и «Малое сокровище» (ит.).

скромно-прелестно, что ему кажется, что он узрел «высшую степень блаженства». Опьяненный восторгом, поэт бежит шума людского, уединяется в своей комнате, чтобы мечтать о возлюбленной, засыпает и видит сон. Проснувшись, он излагает его в стихах. Это – аллегория в форме видения: любовь с сердцем Данте в руках несет в то же время в объятиях «уснувшую и укутанную вуалью даму». Амур будит ее, дает ей сердце Данте и потом убегает, плача. Этот сонет восемнадцатилетнего Данте, в котором он адресуется к поэтам, спрашивая у них объяснения своему сну, обратил на него внимание многих, в том числе, Гвидо Кавальканти, от души поздравившего нового поэта. Таким образом было положено начало их дружбе, с тех пор никогда не ослабевшей. В первых своих поэтических произведениях, в сонетах и канцонах, окружающих ярким сиянием и поэтическим ореолом образ Беатриче, Данте уже превосходит всех своих современников силой поэтического дарования, умением владеть языком, а также искренностью, серьезностью и глубиной чувства.

История любви поэта очень проста. Все события – самые незначительные. Беатриче проходит мимо него по улице и кланяется ему; он встречает ее неожиданно на свадебном торжестве и приходит в такое неопишное волнение и смущение, что присутствующие и даже сама Беатриче трунят над ним и друг должен увести его оттуда. Одна из подруг Беатриче умирает, и Данте сочиняет по этому поводу два сонета; он слышит от других женщин, как сильно Беатриче горюет о смерти отца. . . Эти события для поэта – целая внутренняя повесть, трогательная по своей чистоте, искренности и глубокой религиозности.

Эта столь чистая любовь робка, поэт скрывает ее от посторонних глаз, и чувство его долгое время остается тайной. Чтобы не дать чужим взорам проникнуть в святилище души, он делает вид, будто влюблен в другую,

пишет ей стихи. Начинаются пересуды, и, по видимому, Беатриче ревнует и не отвечает на его поклон.

Некоторые биографы еще не так давно сомневались в действительном существовании Беатриче. Но теперь документально доказано, что Беатриче, несомненно, реальная личность, дочь Фолько Портинари, жившая по соседству с семейством Алигьери. Она родилась в апреле 1267 года, в январе 1287 года вышла замуж за Симона деи Барди, а 9 июня 1290 года умерла двадцати трех лет, вскоре после отца.

О своей любви Данте повествует сам в «Vita Nuova» («Новая жизнь»), сборнике, где проза перемешана со стихами, который был посвящен поэту Гвидо Кавальканти. По словам Боккаччо, это первое сочинение Данте, заключающее в себе полную историю любви поэта к Беатриче до ее кончины и далее, – написано им вскоре после смерти возлюбленной. Назвал он свой сборник «Vita Nuova», как некоторые полагают, потому, что через эту любовь для него настала «новая жизнь». Милая его – для Данте олицетворение идеала, нечто «божественное, явившееся с неба, чтобы уделить земле луч райского блаженства», «царица добродетели». Данте говорит, что украшенная благодатью любви и веры, Беатриче пробуждает и в других те же добродетели. Мысль о ней дает поэту силу побеждать в себе любое нехорошее чувство; ее присутствие и поклон мирят его со вселенной и даже с врагами; любовь к ней отвращает ум от всего дурного.

Любовь Данте к Беатриче – это духовное, безгрешное поклонение женщине, а не страстное к ней влечение. Беатриче для Данте более ангел, чем женщина; она словно на крыльях пролетает через этот мир, едва касаясь его, пока не возвращается в лучший, откуда явилась, и потому любовь к ней – «дорога к добру, к Богу». Эта любовь Данте к Беатриче осуществляет в себе идеал платонической,

духовной любви в высшем ее развитии. Один только раз, в стихотворении «Гвидо, я желал бы ...», фантазия увлекает его, он мечтает о сказочном счастье, о том, чтобы уехать с милой далеко от холодных людей, остаться с ней среди моря в лодке, лишь с немногими, самыми дорогими, друзьями. Но это стихотворение Данте исключил из сборника «Vita Nuova»: оно явилось бы диссонансом в общем его тоне.

Благодаря Беатриче, говорит нам Данте, он перестал быть обыденным человеком. Он начал рано писать, и стимулом его писательства стала она. «У меня не было другого учителя в поэзии, – сообщает он в «Vita Nuova», – кроме себя и самой могучей наставницы – любви», Вся лирика «Vita Nuova» проникнута тоном глубокой искренности и правды, но истинная муза ее – скорбь. Предчувствие смерти Беатриче проходит через весь сборник. Уже в первом сонете, в первом видении короткое веселье Амура превращается в горький плач, Беатриче несут к небу. Потом, когда ее подружку похищает смерть, блаженные духи выражают желание скорее увидеть Беатриче в своей среде. Отец ее, Фолько Портинари, умирает. В душе поэта тотчас же рождается мысль, что и она умрет. Проходит немного времени – и его предчувствие сбывается; вскоре после смерти отца и она следует за ним в могилу. Данте увидел ее во сне уже мертвой, когда женщины накрывали ее флером. Беатриче умирает потому, что «эта скучная жизнь недостойна такого прекрасного существа», говорит поэт, и, вернувшись к славе своей на небо, она становится «духовной, великой красотой» или, как Данте выражается в другом месте, «интеллектуальным светом, исполненным любви».

Когда Беатриче умерла, поэту было 25 лет. Смерть милой была для него тяжелым ударом. Горе его граничит с отчаянием: он сам желает

умереть и только в смерти ждет себе утешения. Жизнь, родина – все вдруг обратилось для него в пустыню. Как о потерянном рае плачет Данте об умершей Беатриче. Но натура его была слишком здоровая и сильная для того, чтобы он погиб от горя. От великой своей скорби поэт ищет успокоения в занятиях наукой: он изучает философию, посещает философские школы, ревностно читает Цицерона и всего более – последнего представителя культуры древнего мира, Боэция, который переводом своим и истолкованием греческих философских произведений, в особенности «Логики» Аристотеля, сделал доступной следующим поколениям часть эллинского мышления и оставил им сочинение «De Consolatione Philosophiae»*, столь высоко ценимое Средними веками.

Неутомимое рвение Данте к занятиям философией открыло ему вскоре, по его словам, «сладость» этой науки в такой мере, что любовь к философии даже затмила на время идеал, до тех пор единственно властвовавший над его душой. Во второй половине «Vita Nuova» Данте рассказывает, как однажды, когда он был погружен в свою печаль, у окна показалась прекрасная женщина, смотревшая на него глазами, полными сострадания. Сначала он почувствовал к ней благодарность, но, видя ее снова и снова, стал понемногу находить такое удовольствие в этом зрелище, что ему грозила опасность забыть об умершей Беатриче. Он стал казаться себе низким и презренным, бранил и проклинал себя за то, что мог хоть временно отвлечься, от мысли о Беатриче. Внутренняя борьба поэта длилась недолго и кончилась победой Беатриче, которая явилась ему в видении, сильно его взволновавшем. С тех пор он думает опять только о ней и воспевает только ее. Позже, в другом своем сочинении – «Convito» («Пир»),

* «Утешение Философией» (лат.).

– заключающем самое восторженное восхваление философии, Данте стихам, посвященным второй своей любви, которую он называет здесь «Madonna la Filosofia», придавал аллегорический характер.

Но другая любовь Данте, к некоей Пьетра, о которой он написал четыре канцоны, носит уже иной характер. Кто была эта Пьетра – неизвестно, как и многое в жизни поэта; но упомянутые четыре канцоны написаны им, как предполагают, до изгнания. В них звучит язык еще юношеской страсти, юношеской любви, на этот раз уже чувственной.

Несколько лет спустя после смерти Беатриче, – когда, собственно, неизвестно, но по-видимому, в 1295 году, – Данте женился на некоей Джемме ди Мането Донати. Прежние биографы сообщают, что у поэта было от нее семеро детей, но по новейшим исследованиям их оказывается всего трое: двое сыновей, Пьетро и Якопо, и дочь Антония. О жене поэта, Джемме, сохранилось очень мало сведений. По-видимому, она пережила мужа; по крайней мере, еще в 1333 году подпись ее значится на одном документе. По сведениям, сообщаемым Боккаччо, Данте не виделся больше с женой после своего изгнания из Флоренции, где она осталась с детьми. Много лет спустя, под конец своей жизни, поэт вызвал к себе сыновей и заботился о них. В своих сочинениях Данте нигде ничего не говорит о Джемме. Боккаччо и некоторые другие биографы утверждают, что брак Данте оказался несчастлив. Но ничего определенного об этом неизвестно; верно лишь то, что брак этот был заключен без всякой романтической подкладки.

В ранней молодости Данте служил отечеству, сражаясь за него с Ареццо при Кампальдино, где он дрался верхом в первых рядах флорентийских войск, и участвовал в осаде Капроны, как видно из «Божественной Комедии». Впоследствии он отдался политической

деятельности и принимал личное участие в общественных делах.

Он сам говорит про себя: «Для меня отечество – весь мир, как для рыб – море», все же при этом ярко горела в нем любовь к настоящему отечеству. Это видно из его постоянных заявлений в стихах, письмах и так далее, из слов его о сочувствии ко всем несчастным, «но более всего к тем, которые, томясь в изгнании, видят родину только во сне». Как трогательно жалоба поэта на первых страницах «Пира», написанного им между 1306 и 1309 годами. «Я скитаюсь как бедный странник, почти как нищий, – сетует здесь Данте, – по всем местностям, где говорят языком Италии, показывая всюду против воли рану, нанесенную мне судьбой. Поистине, я уподобляюсь лодке без парусов и руля, прибываемой к разным гаваням и берегам сухим ветром, которым дышит скорбящая бедность». По форме «Пир» сходен с «Новой Жизнью»; это тоже сборник стихотворений и прозы, только в «Новой Жизни» главное – стихи, а здесь – наоборот. Сочинение это осталось неоконченным: существует лишь введение и три комментария к трем стихотворениям. Писал его Данте с целью популяризировать школьное знание, сделать доступным большинству «привилегированный хлеб науки». Это великое, достойное намерение, это сознательное желание просветить невежественный, темный народ – нечто необычайное и новое для тех времен. Другое нововведение Данте – язык: он пишет не по-латыни, а по-итальянски. Никто еще до него в ученых исследованиях, трактующих о метафизике, практической философии и естественной истории, не осмеливался употреблять народный язык. Сам Данте считает нужным оправдываться в этом и посвящает девять глав, то есть почти весь первый трактат, объяснению, почему он это делает. Со свойственной ему страстностью приступает он здесь к защите итальянского языка, нападая на тех, кто отно-

сится презрительно к родному языку и предпочитает ему чужие.

«Пир» – нечто вроде философской энциклопедии; но философия Данте – философия схоластиков; она в подчинении у богословия. Но знание не остается у него мертвым достоянием, накоплением ученых подробностей, как, например, у Брунетто Латини, но везде просвечивает и примешивается его могучая индивидуальность. Любовь его – идеализация; он смотрит на нее с философской точки зрения, но сама философия превращается у него в любовь; философия – «любящее общение с мудростью», как он ее определяет.

Одной из блестящих и высших заслуг Данте останется навсегда то, что он сделал с целью дать перевес в Италии народному итальянскому языку над латинским. Как и в «Пире», то же стремление руководит поэтом и в другой его книге: «De eloquentia vulgaris» («О народном красноречии»), написанной неизвестно когда, – некоторые полагают, что в конце жизни, другие, что около 1308 года. Сочинение это должно было состоять из четырех частей, так как на четвертую часть несколько раз указывается заранее; но оно прерывается на четырнадцатой главе второй части и остается неоконченным по неизвестным нам причинам. Данте начинает здесь с происхождения языков вообще и излагает свое учение о национальном языке. Сочинение это – один из важных источников по истории итальянского языка и национальной итальянской литературы. В нем – свидетельство того огромного значения, которое Данте всегда придавал национальному языку. Очевидно, при написании этой книги поэт руководствовался не только филологическими, научными целями, но и патриотическим чувством.

Еще в «Пире», излагая философские истины, поэт высказал и свой политический символ веры, так как для него политика и философия не были обособлены, а сливались воеди-

но. Чтобы человечество достигло еще на земле своего назначения, то есть счастья, оно нуждается в мире; но раздоры царят везде, если во главе правления не стоит единый всемирный монарх, который ничего не желает, так как все ему подчинены, и потому правит, руководствуясь справедливостью и поддерживая общий мир. В его глазах всемирный монарх есть существо, уже по природе своей склонное покровительствовать, а не поработать. Он равен всем, потому что имеет одинаковую власть над всеми; он должен охранять справедливость и свободу, – эти основы человеческого счастья.

Политическая теория Данте, бывшая отвлеченным идеалом, как будто могла осуществиться, когда Генрих VII в октябре 1310 года перешел Альпы и явился с армией в Италию. Преисполненный радости, Данте спешит взглянуть собственными глазами на избранника Божьего, на политического мессию. Он не сомневается в успехе предприятия нового императора и, чтобы способствовать «святому делу», пишет латинское письмо к королю и народам Италии с надписью: «Всех и каждого: королей Сицилии и Неаполя, римский сенат, а равно герцогов, графов, маркграфов и народы Италии – смиренный итальянец Данте Алигьери из Флоренции, безвинно изгнанный из отечества, просит о мире». «Возрадуйся, Италия, – говорит поэт, – близок тот, кто освободит тебя из темницы нечестивых и отдаст свой виноградник в руки других рабочих, которые, когда придет час жатвы, соберут плоды правды и справедливости. Притесненные пусть надеются и верят, император будет равно справедлив и мягкосердечен ко всем».

Но враждующие непримиримые партии итальянских городов продолжали свои распри, и в особенности Флоренция стала средоточием сил, противодействующих начинаниям Генриха VII. Тогда 31 марта 1311 года Данте пишет письмо к «нечестивым флорентийцам».

Он упрекает своих соотечественников в злоупотреблении свободой, которую они обращают в деспотизм, и предсказывает им страшное наказание за их нераскаянность. Конечно, флорентийцам не могло понравиться подобное письмо, и Данте оказался среди тех, числом около тысячи, кого амнистия не коснулась. Чтобы побудить медлившего Генриха VII действовать энергичнее, Данте снова пишет ему, причем говорит, что на него «смотрят, как на новое солнце, появившееся, чтобы разогнать скопившиеся тучи».

Генрих, наконец, действительно является в Среднюю Италию, получает в Риме римскую корону из рук папских легатов и осаждает Флоренцию, но безуспешно. Принужденный снять эту осаду, он удаляется в Буонконвенто, на юг от Сьены, и здесь 24 августа 1313 года вдруг умирает скоропостижно; прославленный Данте-поэт отводит ему в своем «Раю» одно из лучших мест.

Находясь в изгнании, Данте носил в груди своей гнев, желание мести, презрение, общественные и личные тревоги, все страсти, могущие волновать сердце человека. «Божественную Комедию», великую свою поэму, Данте написал именно в изгнании. Когда, собственно, были написаны первые песни «Божественной Комедии», нельзя точно определить. Основываясь на некоторых данных, предполагают, что, вероятно, около 1313 года, после окончания неудачного римского похода Генриха VII. Первые две части поэты – «Ад» и «Чистилище» – были известны публике еще при жизни их творца, а «Рай» стал известен только после смерти Данте.

Первая мысль о великой поэме зародилась, по-видимому, в уме Данте очень рано. Уже «Новая жизнь» служит как бы прелюдией к «Божественной Комедии».

В первой канцоне сборника «ангелы просят Бога вернуть им Беатриче, но Бог говорит им, чтобы они еще потерпели немного, пока

она побудет на земле с тем, который, потеряв ее, скажет в Аду грешникам, что видел надежду блаженных». В этих словах ясное указание на путешествие Данте в Ад. И в конце «Новой жизни» Данте рассказывает о том, что он имел дивное видение, заставившее его решиться не говорить более о Беатриче, по крайней мере до тех пор, пока он не будет в состоянии сделать это более достойным ее образом. «Чтобы достигнуть этого, я занимаюсь наукой, сколько у меня хватает сил. И если Создатель всего сущего захочет продлить мою жизнь еще на несколько лет, то я надеюсь сказать о Беатриче то, что никогда еще не было сказано ни о какой другой женщине. И тогда да будет Ему, Богу милостивому, угодно допустить душу мою лицезреть славу своей владычицы». Так писал поэт еще в 1292 году.

Название «Комедия» дал своей поэме сам Данте, а эпитет «Божественная» был добавлен восхищенным потомством уже позже, в XVI столетии, не вследствие содержания поэмы, а как обозначение высочайшей степени совершенства великого произведения Данте. «Божественная Комедия» не принадлежит ни к какому определенному жанру: это совершенно своеобразная, единственная в своем роде смесь всех элементов различных направлений поэзии.

«Комедия» Данте включает в себе в форме аллегорического видения загробной жизни нравственно-религиозную мысль с поучительной целью. Эту же нравственно-религиозную мысль об освобождении души от греховности и земных уз встречаем мы в качестве основной идеи народной религиозной поэзии, предшествовавшей Данте. Народные поэты того времени: Фра Якопоне, Джаколино и другие, – пробуждали души от суеты земной, обращали их к вечному, повествуя о чудесах, рассказывая легенды, описывая страшный суд, ужасы ада и блаженстворая. Существовали легенды о видениях воскресшего Лазаря, апо-

стола Павла и множество других, из которых самыми значительными и распространенными в XII веке были три загробные видения ирландского происхождения: «Путешествие св. Прандануса с его монахами», «Чистилище св. Патриция» и «Видение Тундалуса». В качестве внешней оболочки для своих отвлеченных идей, для «высокой фантазии», как он называет свою поэму, Данте выбрал изображения загробного мира именно из народной религиозной поэзии. Данте внес систему в нестройное смешение образов; эта система навеяна учением церкви, а также учениями Аристотеля и Цицерона. Вообще в поэзии Данте видения играют большую роль. Первый его сонет заключал в себе видение; в прекрасной канцоне, где он говорит о своем предчувствии смерти Беатриче, – тоже видение; и, наконец, видение и в «Божественной Комедии». «Божественная Комедия» состоит из ста песен и включает в себе 14230 стихов. На середине жизненного пути, то есть в 35 лет (таким образом, время видения отнесено поэтом к 1300 году, когда он был приором), он заблудился в сумрачном лесу – рассказывает Данте. Поэт заснул и не может дать себе отчета, как он попал в этот дикий, мрачный и непроходимый лес. В испуге решается он выбраться оттуда. Перед ним подножье горы, вершина которой озарена лучами восходящего солнца. Данте собирается подняться по пустынной крутизне и направляется к горе. Пантера, затем лев и, наконец, волчица, – особенно последняя, – пересекая ему дорогу, наполняют его сердце смертельным страхом, так что он спешит вернуться в темную долину. Тут является перед ним некто в образе человека или, вернее, легкой тени; это Вергилий, тот Вергилий, который был для Данте величайшим поэтом древности, учителем и наставником. Данте обращается к нему с мольбой, и Вергилий объясняет поэту, что для выхода из этих дебрей надо избрать другой путь, и обещает

провести его через Ад и страну раскаяния к вершине солнечного холма, «где встретит тебя душа достойнее меня; ей передам я тебя и удалюсь», – заканчивает он свою речь. Но Данте колеблется, пока Вергилий не сообщает ему, что послан Беатриче. Теперь поэт следует за Вергилием и спускается с ним в Ад, где читает над воротами страшную надпись: «Lasciate ogni speranza voi qu'entrate» («Оставьте входящие сюда всякую надежду»). Тут, в преддверии Ада, в беззвездном пространстве слышны плач и стенания, – тут страдают люди, «ничтожные на земле», те, которые не грешили и не были добродетельны, – безразличные.

Мука этих «безразличных» людей состоит в непрерывном терзании их крылатыми насекомыми. Но главное страдание их – сознание собственного своего ничтожества.

Переправившись через Ахерон, Данте со своим наставником вступает в первый круг Ада. Тут – «глубокая скорбь без мучений», так как здесь находятся люди добродетельные, но не просвещенные христианством, жившие до пришествия Христа. Они осуждены на «вечное желание, не освежаемое надеждой». Отдельно от них местопребывание, среди зелени и при свете солнца, прославившихся поэтов, ученых и героев древности. Тут Вергилий, и вместе с ним Гомер, Гораций, Овидий, Лукан, а дальше, на цветистом лугу, Данте видит Энея, Цезаря, Аристотеля, Сократа, Платона. . .

Второй круг Ада – область, где трепещет сам воздух. В этом круге казнятся увлекавшиеся чувственной любовью, и муки их – непрерывное кружение в адском вихре. Данте видит здесь Семирамиду, Клеопатру, Елену, Ахиллеса и других. Он встречает здесь Паоло и Франческу да Римини.

Вихрь второго круга производит вечный дождь, смешанный с градом и снегом; в воздухе стоит зловоние – это третий круг. Тут подвергаются наказанию обжоры, и вдобавок

ко всему их терзает Цербер, «зверь свирепый, безобразный», который, «хватая злых, сдирает с них кожу».

В четвертом круге помещаются расточители, любостяжатели и скряги; они катят огромные тяжести, сталкиваются, осыпают друг друга бранью и снова принимаются за свой тяжелый труд.

Ливень третьего круга образует поток, который в пятом круге разливается в озеро стоячей воды и образует смрадное болото Стикс, окружающее адский город Дит. Тут мучаются гневные; они бьют друг друга ногами, головой, грудью и разрывают зубами, а завистливые погружены в болотную тину и постоянно в ней захлебываются.

Окрестности Дита составляют шестой круг. Тут перед нами обширные поля, «исполненные скорби и жесточайших мук», и повсюду открытые могилы, из которых змеится пламя. В вечном огне горят здесь материалисты, проповедовавшие о смерти духа вместе с телом, сомневавшиеся в бессмертии души, а также еретики и распространители ереси.

Вдоль крутого обрыва поэт и его вождь подходят к пропасти, из которой несутся нестерпимо смрадные испарения и которая охраняется Минотавром. Это седьмой круг, предназначенный для пытки виновных в насилии; он состоит из трех поясов. В первом, представляющем собой широкий ров, наполненный кровью, томятся «сильные земли», посягавшие на жизнь и на достояние людей, тираны и вообще убийцы, виновные в насилии против ближнего. По берегу рва бегают взад и вперед кентавры, вооруженные луками, и пускают стрелы в того, кто подымается из кровавых волн больше, чем позволяет степень его грехов. Во втором поясе седьмого круга наказываются виновные в насилии против самих себя, то есть самоубийцы. Они превращены в ядовитые и сучковатые деревья с листьями не зеленого, а какого-то серого, мрачно-

го цвета. В ветвях деревьев свили себе гнезда отвратительные гарпии, которые рвут и едят их листья. Этот страшный лес, – лес несказанной скорби, – окружает степь, покрытую горячими и сухими песками, – третий пояс седьмого круга. Медленно, но неустанно падает здесь огненный дождь. Тут место казни грешников, виновных в насилии против Бога, отвергавших в своем сердце святое имя Его и оскорблявших природу и ее дары. Одни из грешников лежат распростерты, другие сидят скорчившись, третьи непрерывно ходят, причем без отдыха «мечутся их бедные руки туда и сюда, отбрасывая от себя беспрестанно падающие на них огненные капли». Здесь поэт встречает своего учителя Брунетто Латини.

Восьмой круг называется «Злые рвы»; их – десять. Здесь наказываются разного рода обманы. В первом из этих рвов рогатые демоны беспощадно бичуют обольстителей. Во втором вопят и стонут льстецы, безвыходно погруженные в жидкую, смрадную грязь. Третий ров занимают симонисты, торговавшие святыми вещами, обманывая суеверно-невежественных людей. Они уткнуты головами в отвратительные ямы, ноги их торчат кверху и беспрестанно сжигаются пламенем. Сюда помещены поэтом многие папы, в том числе Николай III, и здесь же приготовлено место Бонифацию VIII. В четвертом рве идут молча, в слезах, люди, у каждого из которых лицо повернуто к спине, вследствие чего они должны пятиться назад, потому что не могут ничего видеть перед собой. Это – волхвы, прорицатели и т. п.: «За желание заглянуть слишком далеко вперед они смотрят теперь назад и движутся вспять». Взятчики, продажные люди помещены в пятом рве, где они погружены в озеро кипящей смолы. В шестом казнятся лицемеры. Окутанные в монашеские рясы, снаружи ослепляющие позолотой, а внутри свинцовые и невыносимо тяжелые, с такими же капюшонами, свисающими на глаза,

молча и плача ходят они тихими шагами, как в процессии. Седьмой ров, где мучаются вры, весь наполнен страшным количеством змей, между которыми бегают в ужасе взад и вперед грешники. Руки у них связаны змеями за спиной; змеи впиваются им в бедра, клубятся у них на груди и подвергают их разнообразным превращениям. В восьмом рве носятся злые и лукавые советчики, заключенные в пожирающие их огненные языки. В девятом рве помещены сеятели соблазна, раскола, всяких раздоров, политических и семейных. Демон, вооруженный острым мечом, подвергает их страшным и разнообразным рассечениям; но раны тотчас заживают, тела подвергаются новым ударам. Но вот и последний, десятый ров восьмого круга: тут мучаются люди, посягавшие на различные подлоги; они покрыты страшными язвами, и ничто не может уменьшить и унять бешенство их чесотки.

Ад кончается. Вергилий и Данте подошли к мрачному, тесному колодцу, стены которого поддерживаются великанами. Это дно вселенной и вместе с тем последний – девятый – круг Ада, где карается высшее человеческое преступление – измена. Круг этот – ледяное озеро, состоящее из четырех частей: Каины, Антеноры, Толомей и Джудекки. В Каине (от Каина) помещены изменившие близким и родственникам, посягнувшие на жизнь этих последних. В Антеноре, названной так по имени троянца Антенора, подавшего неприятелям совет внести в Троя деревянного коня, мучаются предатели отечества. В Толомее (по имени египетского царя Птолемея, якобы пригласившего однажды к себе на обед друзей и умертвившего их) терзаются изменившие друзьям.

Наконец, в четвертом поясе девятого круга, в Джудекке, казнятся предатели Христа и высшей государственной власти. Тут резиденция Сатаны. Он до половины груди погружен в лед. У него три лица и шесть громадных крыльев; двигая последними, он производит

ветер, который леденит воды всего девятого круга. Каждым ртом своих трех лиц он дробит по одному грешнику. Строже всех казнится Иуда, предавший Христа, затем Брут и Кассий, убившие Цезаря. По шерсти Люцифера Вергилий и Данте спускаются к центру земли, а отсюда начинают подниматься вверх по расщелине. Еще немного, и они вне страшного царства тьмы; над ними снова засверкали звезды. Они у подножия горы Чистилища.

Чистилище имеет вид горы, подымающейся все выше и выше и опоясанной одиннадцатью уступами, или кругами. Стражем Чистилища является величавая тень Катона Утичесского, олицетворяющего, в глазах Данте, свободу духа, внутреннюю человеческую свободу. Вергилий просит сурового старца во имя свободы, бывшей столь драгоценной для него, что ради нее он «отказался от жизни», указать путь Данте, который ходит всюду, отыскивая эту свободу. Воздушная лодка, управляемая светлым ангелом, «на челе которого начертано блаженство», привозит души к подножию горы. Но прежде, чем проникнуть собственно в Чистилище, надо пройти как бы преддверие его, – четыре предварительные ступени, где пребывают души ленивых и нерадивых, желавшие покаяться, осознавшие свои заблуждения, но все откладывавшие покаяние и так и не успевшие совершить его. Ступени пройдены; Данте – в чудесной долине, где очищающиеся души поют хвалебные гимны. Два ангела сходят с неба с пламенными мечами, острия которых обломаны, – указание на то, что здесь начинается жизнь милосердия и прощения. Их крылья и одежды зеленого цвета, – цвета надежды. После этого заснувший Данте просыпается у ворот Чистилища.

Собственно Чистилище состоит из семи кругов: в каждом искупается один из семи смертных грехов. Гордые двигаются, сгибаясь под тяжелой каменной ношей. Завистливые, с мертвенным цветом лица, опираются один на

другого и все вместе прислонены к высокой скале; они одеты в грубые власяницы, их веки шиты проволокой. Гневные бродят в непроницаемом мраке и густом смрадном дыму; ленивые беспрерывно бегают. Скупые и расточительные, имевшие привязанность лишь к земным благам, лежат на земле ничком, со связанными руками. Обжоры, страшно худые, с бесцветными глазами, испытывают муки Тантала: они ходят около дерева, обремененного сочными плодами и раскинувшего ветви над свежим источником, воды которого падают с высокой горы, и терпят при этом голод и жажду. Увлекавшиеся чувственной любовью искупают свой грех в пламени, которое, исходя из горы, обдаст их своими языками, отбрасывается обратно ветром и снова беспрерывно возвращается.

Данте и Вергилий достигли наконец вершины горы, осененной прекрасным, вечно зеленеющим лесом. Это Земной Рай. Посреди леса текут из одного и того же источника, но направляясь в разные стороны, две реки. Одна течет налево: это Лета, река забвения всего дурного; другая – направо – Эвноя, запечатлевающая все доброе и хорошее навсегда в душе человека. Вергилий, исполнивший свою задачу, доведший поэта до Земного Рая, до Эдема, прощается с ним. Здесь, в Эдеме, где все дышит истиной, невинностью и любовью, происходит встреча поэта с Беатриче.

Данте уносится по воздуху вслед за Беатриче; она все время смотрит вверх, он же не спускает глаз с нее. Вот и Рай.

Рай состоит у Данте из десяти сфер. Сперва семь планет, населенных праведниками, тоже в известном иерархическом порядке.

Первая, ближайшая к Земле, планета Луна, где обитают души лиц, давших на земле обет сохранить безбрачное, девственное состояние, но нарушивших его, вопреки собственному желанию, вследствие насильственного противодействия со стороны.

Вторая планета – Меркурий – жилище праведных и сильных государей, стяжавших себе громкую славу добродетелью, составивших счастье своих подданных посредством добрых дел и мудрых законов.

Третья планета – Венера, где находятся души людей, любивших высшей, духовной любовью, вдохновлявшей их на Земле на добрые дела.

Четвертая планета – Солнце – населена теми, которые исследовали тайны веры и богословия. Тут Франциск Ассизский, Бонавентура, Фома Аквинский и другие.

На пятой планете – Марсе – обитают души лиц, распространявших христианство и жертвовавших своей жизнью за веру и церковь,

Шестая планета – Юпитер – здесь находятся души тех, которые на Земле были истинными блюстителями правосудия.

Седьмая планета – Сатурн – обитель душ, живших на Земле созерцательной жизнью. Данте видит здесь лучезарную золотую лестницу, верхняя часть которой теряется далеко в небе и по которой восходят и нисходят светлые духи.

И вот они поднялись на вершину лестницы. По указанию Беатриче Данте смотрит отсюда вниз, на Землю, и она кажется ему такой жалкой, что он улыбается при виде ее.

Теперь поэт со своей руководительницей в восьмой сфере – сфере неподвижных звезд.

Дивные видения улаждают зрение поэта: раскрывается роскошный сад, растущий под лучами Божества, где он видит таинственную розу, окруженную благоухающими лилиями, и над ней луч света, падающий от Христа. После испытания в вере, надежде и любви (испытывают его св. Петр, Иаков и Иоанн), выдерживаемого Данте совершенно, удовлетворительно, он допускается в девятую сферу, называемую кристальным небом. Тут, в виде ярко светящейся точки, без определенного образа, присутствует уже Слава Божья, сокрытая

еще завесою из девяти огненных кругов. И, наконец, последняя сфера: Эмпирей – жилище Бога и блаженных духов. Кругом сладостное пение, дивные пляски, река со сверкающими волнами, с вечно цветущими берегами. Беатриче, на миг исчезнувшая, появляется уже в самом верху, на престоле, «венчая себя короной из вечных лучей, из нее самой исходящих». Данте обращается к ней со следующей мольбой: «О не побоявшаяся ради моего спасения оставить след своих шагов в Аду, – я знаю, что тебе, твоему могуществу и твоей благодати обязан я теми великими вещами, которые видел. Ты меня от рабства привела к свободе всеми путями, всеми средствами, какие были в твоей власти. Сохрани же ко мне твои щедроты, – чтобы душа моя, тобою уврачеванная и достойная тебе нравиться, могла отделиться от тела!..»

«Тут сила воображения покинула меня, – так заканчивает свою поэму Данте, – но желания мои, моя воля уже были приведены навсегда в движение любовью, движущей также солнцем и звездами».

«Божественная Комедия» – великая аллегория человека, греха и искупления с религиозной и с нравственной стороны. Здесь перед нами падение и возрождение человека; здесь, следовательно, внутренняя история его наравне с историей внешней. Всякий человек носит внутри себя свой ад и свой рай. Ад – смерть души, владычество тела, образ зла или порока; Рай – образ добра или добродетели, внутреннего мира и счастья; Чистилище – переход из одного состояния в другое посредством раскаяния. Пантера, лев и волчица, заграждающие путь к солнечному холму, изображают три главенствующих порока, считавшихся тогда преобладающими в мире, а именно: сладострастие, гордость и алчность. В этих трех пороках кроется причина испорченности людской – так думали в Средние века, и об этом сохранились многочисленные ука-

зания.

Кроме этого нравственно-религиозного значения, «Божественная Комедия» имеет еще и значение политическое. Темный лес, в котором поэт заблудился, означает также анархическое состояние мира и конкретно Италии. Избрание поэтом в руководители Вергилия тоже не лишено аллегорического подтекста. В Средние века существовало нечто вроде культа Вергилия. В народных преданиях Вергилия изображали в качестве кудесника, волхва и величайшего в мире мудреца. Но и отцы церкви, например св. Августин, смотрели на него как на провозвестника пришествия Христа, основываясь на предсказании в одной из его эклог, именно в четвертой, рождения Спасителя-Младенца, с появлением которого на свет кончится железный век и во всей вселенной начнется век золотой, причем описание этого золотого века имеет большое сходство с пророчеством Исайи. Главным же образом Вергилий олицетворяет собой у Данте разум, высшую способность разума, которой человек может достигнуть без божественного откровения. А так как автор «Энеиды» – певец, наиболее прославивший римское государство, то он является в «Божественной Комедии» символом идеи гибеллинов, – идеи римской универсальной монархии и пророчит Италии политического мессию, который прогонит обратно в Ад волчицу, то есть уничтожит причину всякой несправедливости на земле.

Изображая в «Божественной Комедии» судьбы человечества, Данте дает нам одновременно и историю своей личной внутренней жизни. Он – герой своей поэмы; он сам падает, отчаивается, борется и воскресает. После смерти Беатриче поэт наш очутился в лесу юношеских заблуждений, но мало-помалу выбрался оттуда путем изучения философии и нашел, наконец, успокоение и надежду вечного спасения в вере и богословии.

Из сказанного видно, что в «Божественной Комедии» соединены самые разнообразные мотивы: нравственного совершенствования человека вообще, итальянского народа в данную эпоху и лично Данте, а также политической реформы и, наконец, апофеоза Беатриче как женщины и как олицетворения религии. В громадных рамках дантовской поэмы уместаются все элементы тогдашней культуры: наука, религия, политика, история его народа – и личная его внутренняя и внешняя судьба. Летописец Джованни Виллани называет «Божественную Комедию» трактатом и восхищается поставленными там великими и утонченными нравственными, физическими, астрономическими, философскими и богословскими вопросами.

Представления древнего мира о будущей жизни были, как известно, неопределенны, туманны; царство теней едва намечено им. Но в христианском мировоззрении преобладающая мысль – именно мысль о будущей жизни, и потому естественно, что в Средние века в народных легендах, живописуя муки Ада и Чистилища и блаженство Рая и описывая расположение этих местностей, стараются пользоваться более реальными красками. С особенной рельефностью изображены в Данте Ад и Чистилище: архитектура их так определена и точна, что хочется взять и нарисовать план дантовских загробных царств, что, вообще говоря, часто и делали.

Впрочем, главная поэзия не столько в местностях, сколько в их обитателях, в тех лицах, которых поэт встречает во время своих странствований и с которыми он разговаривает. В них, в самих тенях этих, нет ничего туманного; они очерчены резкими контурами – как бы прямо с натуры. Войдя в царство мертвых, Данте вносит туда все людские страсти, ведет за собой всю землю, как удачно выразился Франческо де Санктис. Образы Данте – живые личности, которые в загробном мире

сохраняют те же чувства и мысли, какие они имели в земной жизни. В особенности рассказ об Аде заключает в себе целую бурю чувств, страстей и событий. Данте в высшей степени свойственно умение обрисовывать свои фигуры одним штрихом.

Грехи, казнимые в некоторых кругах Ада, допускают в согрешивших и величие духа, и мягкость, и чуткость сердца. Вследствие нравственных своих убеждений Данте принужден поместить в Ад Франческу, Фаринату, Кавальканте, Пьера делла Винья и даже отеческого наставника своего Брунетто Латини; но он не бранит их, не насмехается над ними, хотя не утаивает их грехов; грехи эти таковы, что не унижают грешников, и Данте не только чувствует глубокое сострадание к их мукам, но любит их, восхищается ими.

Другие же пороки, по воззрениям Данте, грязнят человека, его нравственную природу; – вот почему эти грешники не вызывают ни участия, ни сострадания его; они заслуживают лишь строгой справедливости. Презрение и насмешка уместны по отношению к ним. Сатирическая сила Данте достигает самой высшей точки среди святокупцев, там, где поэт встречает папу Николая III. Последний уткнул головой в дыру третьего рва, откуда торчат его ноги и, сжигаемые пламенем, дрыгают от жестокой боли. Данте насмехается над ним, говорит ему презрительные слова. Но наиболее горькая ирония вложена поэтом в уста самого грешника, в его исповедь, являющуюся сатирой против него самого. Папа Николай III был уже мертв в год видения, но двое других, которых Данте считал еще более преступными, которых он еще более ненавидел, – Бонифаций VIII и Климент V, – жили еще в то время. Благодаря удивительной силе фантазии сумел поэт обратить эту сатиру на Николая III одновременно и против них. Папы-святокупцы должны попасть все в одну и ту же дыру, причем каждый новый прише-

лец заступает место своего предшественника, которого вдавливают глубже вниз. Таким образом оказывается, что Николай уже ожидает Бонифация VIII и предсказывает прибытие его и Климента V. Сатира Данте потому именно так величественна, что в основании ее – искреннее, глубокое чувство; он так смел потому, что силен в своей вере. Поэт не нападает ни на религию, ни на церковные учреждения; напротив, он защищает церковь против ложного пастыря, – он негодует на дурных пап, но не на папство. Данте глубоко возмущается оскорблением, нанесенным Филиппом Красивым тому самому Бонифацию VIII, которого он поместил в Ад.

Чем глубже мы спускаемся в Ад, тем слог Данте становится реальнее, грубее. Но в девятом круге все умолкает, – кругом лед, и в нем оцепенелые грешники. Здесь казнится зло вселенной, величайший, самый черный грех, по мнению Данте, – измена. Поэт не чувствует никакого сострадания к предателям, он питает к ним только одну жестокую ненависть и топчет их ногами. Но и здесь, в этой ледяной пустыне, где, по-видимому, умерло всякое чувство, пробуждаются еще раз поэтические мотивы, которыми так изобилует рассказ о первых кругах Ада. Сцена с Уголино – верх ужаса и вместе с тем трогает нашу душу. Граф Уголино, когда-то могущественный подеста города Пизы, изменнически предавший врагам крепость Кастро в Сардинии, скоро понес наказание более жестокое, чем его преступление. Благодаря архиепископу Руджери, взятый в плен с сыновьями и внуками, он был заключен вместе с ними в башню Гваланди. По прошествии восьми дней отворили башню и умерших голодной смертью похоронили с оковами на ногах. И вот перед нами зрелище, ужаснее которого не изображал ни один поэт: справедливость неба сделала пострадавшего орудием казни преступника, отдала злодея в руки его жертвы, чтобы она мстила за

себя. Уголино удовлетворяет свою безграничную ярость тем, что неустанно грызет череп архиепископа Руджери. Смысл подобного наказания Руджери и Уголино, грызущего вечно череп своего врага, следующий: в уме Руджери, как скоро пробудилась в нем совесть, беспрестанно встает ужасный образ умерщвленного им Уголино, а последний постоянно видит тень ненавистного своего предателя и постоянно испытывает ненависть и жажду мести.

Первая часть «Божественной Комедии» – «Ад» – наиболее известна и популярна. Дело в том, что даже по самому содержанию и предмету в «Аде» больше всего драматического движения и жизни. Со входом в Чистилище этот драматизм уменьшается. Принцип тот же, что и в Аде, но уже само назначение, сама суть Чистилища ограничивают поэта, сказываясь, например, на выборе им действующих лиц. Нехристианский мир, представленный в «Аде» наравне с христианским, отсутствует в «Чистилище» вовсе, так как нехристианский мир не мог каяться. И вообще в «Чистилище» меньше действующих лиц, чем в «Аде», а в «Рае» и еще того меньше. Осужденные Ада пребывают здесь вечно под тяжестью своего греха, но зато и сохраняют свою индивидуальность; душа же, которая, очищаясь, поднимается к небу, оставляет за собой все земное. Такие страстные сцены, какие мы видели в «Аде», неуместны в «Чистилище», и еще менее в «Рае». Символизм, отвлеченность берут тут перевес над чувством.

Общий характер «Чистилища» – спокойствие и мягкость. И природа тут настолько мирная и нежная, насколько она была страшной и грандиозной в «Аде».

В конце «Чистилища», когда Данте вступает в Земной Рай, навстречу ему приближается торжественная триумфальная процессия; посреди нее дивная колесница, и на ней сама Беатриче, очарование его детства, возлюблен-

ная его юности, ангел-хранитель его зрелых лет.

Лица се Данте еще не видит, потому что оно закрыто облаком цветов, кидаемых ангелами, но он чувствует ее присутствие благодаря своему трепету и «вследствие тайной силы, из нее исходящей, ощущает все могущество прежней любви». Среди высшего развития символизма поэзия Данте становится здесь снова личной. После смерти Беатриче, в следовавшей затем тревожной жизни, Данте заблуждался и грешил; он чувствовал сознание вины, терялся в лесу человеческого горя. Мысль о его прежней чистой любви становится для него упреком, как и образ Беатриче по ту сторону реки. Тут именно заключается самая глубокая, самая драматическая идея «Чистилища».

В то время как сильно взволнованный Данте глядел на Беатриче, исчез Вергилий. Среди Рая и его красот, предвкушая давно желанное блаженство, поэт все же не может не оплакивать разлуку с дорогим наставником. Но вот он услышал голос Беатриче: «Данте! Не потому что Вергилий ушел, должен ты плакать, не потому: другой еще меч (другое горе) вызовет твои слезы». Единственный раз во всей поэме названный по имени, Данте поднимает глаза и видит устремленный на него взор Беатриче. Строгая, величественная, горделивая заговорила она: «Посмотри на меня, я – поистине Беатриче». Дайте стоит, полный стыда, раскаяния и смущения; но когда в сладостных аккордах ангелов уловил он сочувствие себе, тогда «лед, который сжал ему сердце, превратился в росу и дыхание и с тоской вылился из груди через уста и глаза».

Беатриче снова обращается к Данте, спрашивая его, правда ли, что он отвернулся от добродетели и пошел по ложному пути? И он, под влиянием страха и стыда, произносит «да» так тихо, «что для того, чтобы расслышать его, понадобилось зрение». Она еще сильнее

старается расшевелить его своими упреками, и в него «вонзается жало раскаяния». Взглянув на нее и пораженный ее красотой, которая кажется ему несравненно выше красоты, украшавшей ее на Земле, – хотя Беатриче и теперь еще покрыта покровом и вдали от него, – Данте испытывает угрызения совести столь ужасные, что падает без чувств. Приходит он в себя уже в водах Лоты, где все дурное и греховное забывается. После омовения его подводят к Беатриче, которая наконец сбрасывает с себя покрывало и является ему во всей своей невыразимой небесной красоте.

В этой сцене поэтическое выражение мистической любви достигает у Данте наибольшей силы.

Перейдя вместе с поэтом в Рай, мы вступаем в область духов, освобожденных вовсе от тела. Описывая Ад и Чистилище, Данте говорит о тенях, но облакает их в тела живых людей; тут же, в Рае, блаженные не имеют внешней оболочки, которая отличала бы одних от других: они – светочи, несхожие друг с другом лишь блеском и силой сияния; при увеличивающемся блаженстве они только сильнее сверкают. Различная степень их блаженства зависит от более или менее близкого созерцания Бога, от более или менее тесного союза с Ним и от силы любви к Нему. Но, несмотря на такое различие, между ними нет неудовольствия, так как общее чувство, дающее здесь блаженство, истекает из евангельского начала: выше всего Бог и любовь к ближнему, как к самому себе.

Отсутствие драматизма и достаточно конкретных образов как бы лишает третью часть «Божественной Комедии», «Рай», в сравнении с двумя другими, некоторой доли интереса и поэтичности. Святые – не очень-то благодарный сюжет для поэзии; в грешниках и кающихся есть жизнь, движение, развитие; святые же достигли цели; все их чувство сосредоточено на одном только – на любви к Бо-

гу. Но среди стольких блаженных, не касающихся земного, есть все же одна человеческая личность – сам Данте. Принимая близко к сердцу положение дел и все события на нашей земле, он и в святых пробуждает к ним интерес.

Так, предок его Каччагвида, душу которого он встречает на планете Марс, предсказывает Данте будущую его судьбу, с увлечением говорит о добрых старых временах Флоренции и рисует привлекательную картину простых, неиспорченных тогдашних нравов в противоположность состоянию современного Данте порочного и раздираемого партийными распрями родного города. Сам Данте сравнивает место, где он находится, с тем, откуда явился, и замечает контраст того мира греха и несправедливости с этим миром любви и благодати. Отсюда вытекают самые горячие филиппики его против земной испорченности. И святые разгораются гневом и страстями. Так, Св. Дамиан негодует против роскоши духовенства, Бенедикт – против пороков монахов, апостол Петр громит римскую курию.

Наука и политика занимают много места в «Божественной Комедии». По политическим убеждениям своим Данте здесь, как и в других своих сочинениях, противник светской власти пап и империалист. Перед его внутренним взором сияет идеал Рима и империи. Он обращается духом к священному городу и к добродетелям, которые делали его столь достойным подобного почитания; ему вспоминается история Рима, и он приходит в восторг при мысли о подвигах его великих людей и героев. Поэт желал бы возвращения тех времен, он недоволен настоящим и с сожалением обращается к прошедшему. Но это не мешает ему везде и всюду, – в оценках ли религиозного, нравственного или политического свойства, – руководствоваться лишь чувством строгой справедливости, и это чувство прежде всего освобождает его от узкопартийной огра-

ниченности. Вот почему, например, в выборе населения для Ада, Рая и Чистилища нет ничего случайного и отсутствует какая бы то ни было односторонность. Данте нельзя упрекнуть в том, что он к гибеллинам относился мягче, находил у них больше добродетельней у гвельфов. Нет, он осуждает и тех, и других, он громит раздоры как гвельфов, так и гибеллинов, – раздоры, в которых воплощалась вся несчастная судьба современной Данте Италии. Относясь и к тем и к другим одинаково беспощадно, он почти/все грехи двух последних кругов, и в особенности тягчайшие из них, приписывает яду партий.

В целом, при видимой отвлеченности замысла, «Божественная Комедия» поражает нас необычайной реалистичностью, которая важна в историческом отношении, так как справедливо считается проложившей дорогу реализму в итальянском искусстве вообще. В подробностях изумляет обилие и точность сравнений и образов, почерпнутых из природы и жизни человеческой. Возьмем наугад несколько примеров: сравнение теней, бросающихся в лодку Харона, с «древесными листьями, падающими в осеннюю пору один за другим до последнего, пока не обнажаются носившие их ветви»; сравнение теней, кружащихся в адском вихре, со «стаей журавлей, которая длинной вереницей несется в пространстве и наполняет воздух жалобными криками». Тени, встречающие Данте в одном из кругов Ада, всматриваются в него, «прищуривая глаза так, как делает старый портной, вдвывая нитку в ушко иглы». Грешник нырнул в смолу, «как дикая утка скрывается под водою при налете сокола, который улетаёт в небо пристыженный и усталый», и т. д. Эти-то именно подробности и сообщают загробному миру ту точную определенность, которая производила и производит поразительное действие.

Огромна заслуга Данте в «Божественной Комедии» перед национально-письменным

языком Италии. Подвиг его в этом отношении итальянцы не раз сравнивали с тем, что сделал Лютер, для немецкого языка своим переводом Библии. Невозможно судить о силе, гибкости и прелести этого языка, не читая подлинника. Тут Данте выступает не только как литератор и как ученый, но и как патриот.

О скитальчестве Данте во время его изгнания сохранилось мало документальных, точных сведений; зато во множестве итальянских городов и местечек имеются предания о пребывании в них поэта. Так например, в одном монастыре на вершине Альп показывают комнату с надписью, что это – гостеприимная келья, где, говорят, жил Данте Алигьери и написал немало количество «своих возвышенных, почти божественных произведений». Такие же надписи в башне местечка Губбио. В Толино и по сию пору пастухи и дети указывают камень, на котором будто бы поэт в грустные дни своего изгнания нередко отдыхал, погруженный в печальные думы. В монастыре Фонте Авелано, где он однажды провел несколько часов, хранится его изображение, и так далее.

Идеал политического единства, пронизывающий собой «Божественную Комедию», лежит и в основании научного трактата «De Monarchia» («Монархия»), написанного Данте на латинском языке в последние годы его жизни. В этом сочинении Данте еще раз изложил свою систему государственного устройства и политическую теорию, высказанную им в его политических письмах, но здесь он расширил и развил ее. Всемирная империя – идеал римского народа – нашла тут наиболее полное свое обоснование.

По понятиям Средних веков, Римская империя, возобновившись с Карлом Великим, продолжала существовать, перейдя к немецким государям, и, как тогда думали, означала все то же владычество римского народа над миром. Данте, гордясь своим римским проис-

хождением, находил в этом происхождении и право своей нации стоять во главе других народов. Не в Германии, конечно, а в Италии видит он средоточие, «сад» империи, как он выражается в «Божественной Комедии».

По форме «Монархия» – довольно сухое схоластическое рассуждение. Сочинение это состоит из трех частей. В первой разбирается вопрос, какая, собственно, форма правления необходима для человеческого блага. Поэт решает этот вопрос в том смысле, что все народы должны быть соединены в одно государство и все государства подчинены одному вождю, то есть императору. По теории Данте, совершеннейшее устройство власти будет то, где на вершине стоит единый монарх, правящий на основании добродетели. Император должен поддерживать на земле мир, справедливость и свободу – эти основы человеческого благополучия. Отдельные правители применяют у себя законы согласно местным условиям, а император управляет человеческим родом во всех общих делах. Не быть гражданином – вот, по мнению поэта, худшая доля, могущая угрожать человеку. . . Во второй части «Монархии» Данте разбирает вопрос о принадлежности всемирного владычества именно римскому народу. В третьей части книги поэт рассуждает о светской власти папы и выступает энергичным противником ее. Папству следует, по его мнению, ограничиваться лишь пределами духовного своего призвания; имущество церкви должно быть имуществом бедных. Император и папа – два светоча, из которых первый озаряет мирские пути, а второй – божественные. Власть их независима друг от друга, они должны вместе управлять народом, чтобы вести его к земному счастью и вечному блаженству.

Италия, добившаяся своего единства независимости иными путями, нежели указанной ей ее великим поэтом путь универсальной монархии, в то же время вполне солидарна

с ним в его отрицании светской власти пап.

Около 1317 года Данте был у Кан Гранде, ставшего после смерти братьев властителем Вероны. Данте приняли у него очень хорошо. Двор Вероны вообще являлся в то время гостеприимным убежищем для всех изгнанников, живших во дворце, где им давали особые помещения. И сыновья Данте были с ним в Вероне; причем старший, Пьетро, юрист, впоследствии и обосновался здесь. Но последние свои дни Данте провел в Равенне, куда он переехал из Вероны по настоятельному приглашению тогдашнего властителя Равенны, графа Гвидо да Полента, племянника Франчески да Римини. Отсюда он послал Кан Гранде делла Скала третью часть своей поэмы («Рай») и замечательное письмо, о котором мы уже говорили. Жизнь Данте в Равенне текла сравнительно спокойно и приятно: он был окружен друзьями, почитателями, двумя своими сыновьями, Якопо и Пьетро, и проводил время среди научных и литературных бесед. Словесник и поэт Джованни дель Верджилио передал Данте приглашение приехать в Болонью короноваться поэтическим венком. Но Данте отказался от этого в надежде на такое же предложение из Флоренции: он все еще думал, что его поэтическая слава наконец откроет ему ворота родного города и в церкви Сан-Джованни, там, где он был крещен, «украсят его седые волосы лавровым венком». Заметим мимоходом, что Дайте первый ввел в литературу лавровый венок. Но надежды поэта оказались тщетными: дни его были сочтены; 14 сентября 1321 года он умер 56 лет от роду. Чино да Пистойя написал на смерть Данте прочувствованную канцону: «Иссяк источник, – говорит он, – в воде которого каждый находил отражение своих заблуждений», и далее: «Кто теперь будет показывать нам надежный путь от сомнений любви к высшему познанию?»

Граф Гвидо Новелло похоронил поэта с большими почестями, но вскоре и сам изгнан-

ный из Равенны он не мог поставить ему такого памятника, какого желал. Уже гораздо позже, в 1483 году, Бернардо Бембо, отец известного кардинала Пьетро Бембо, украсил могильный памятник поэта барельефом работы Ломбарди, существующим и поныне. В 1692 году вся часовня была вновь реставрирована, а в 1780 году кардинал Луиджи Гонзаго придал ей тот вид, который она имеет и в настоящее время, по-прежнему соседствуя со старой церковью францисканцев. «Жестокая» Флоренция, так упорно отказывавшаяся принять в свою ограду живого поэта, много раз с раскаянием, но тщетно, добивалась возвращения ей праха мертвого и должна была довольствоваться тем, что почтила его память устройством великолепного саркофага с вычеканенной на нем надписью: «Уважайте великого поэта», под величественными сводами церкви Санта-Кроче, где этот саркофаг окружают памятники Микеланджело, Галилея и Макиавелли.

В 1865 году вся Италия, борющаяся тогда за свою независимость и единство, отпраздновала шестисотый день рождения своего великого сына, – отпраздновала с величайшим блеском, как патриотическое торжество, чествуя гениального писателя, который громко провозгласил слово «единство». Во всех больших городах Италии поставили тогда статуи Данте.

Вскоре после смерти Данте, в двадцатых годах XIV столетия, начинаются попытки толкования «Божественной Комедии». В числе первых комментаторов поэмы Данте были Якопо делла Дана, Бомбажиоло и сын поэта, Якопо. Но талант отца не перешел к сыну, что ясно видно из комментария последнего к «Аду», а также из разных собственных его стихотворений дидактического содержания. В 1373 году Боккаччо был назначен общиной Флоренции публично комментировать Данте; после него эту должность занимали другие.

Поэма читалась и объяснялась в церквах и с кафедр. То же происходило и в других городах: в Пизе, Болонье, Пьяченце, Милане, Венеции. . . Точка зрения первых комментаторов была религиозно-мистическая, но позже аллегориям Данте стали придавать политический смысл. Толкователей «Божественной Комедии» развелось несметное множество, и некоторые из них, незаметно для себя внося в свои труды собственные мнения и чувства, только затемняли понимание поэмы, так что Франческо де Санктис по этому поводу выразился так: «Лучше всего читать Данте с ним наедине, без комментаторов».

Наружность поэта, судя по портретам его и по словам Боккаччо, имела следующие отличительные черты: продолговатое лицо, орлиный нос, большие глаза, резко обозначенные скулы и несколько выдающаяся вперед нижняя губа. Цвет лица его был смуглый, а выражение – грустное и задумчивое; волосы и борода – черные, густые и курчавые. Роста он был среднего, со станом несколько согбенным под конец жизни и с медленной величавой походкой. Одевался Данте всегда в темные, скромные цвета и отличался умеренностью в пище и питье. Он был приветлив в обращении, удивительно трудолюбив и благороден.

Он хорошо изучил классических поэтов: Горация, Овидия, Лукана, Теренция, Стация и того, кого он считал величайшим из них, – Вергилия. Он знал Аристотеля, Боэция, Туллия и других философов; писал по-латыни и по-итальянски о высших задачах, о вопросах философских, политических, о поэзии и языке. По свидетельству его биографов и толкователей, он обладал высокими нравственными качествами и, главное, отличался справедливостью и любовью к истине. Он сам про себя говорит в последней своей работе «De asqua e terra»: «Я с юности рос в любви к истине, всегда стремился к ней и ненавидел ложь». То немного, что мы знаем о его

жизни, вполне подтверждает эти показания, подтверждает то, что Данте был энергичный, сильный, решительный, открытый и честный человек, исполненный ревности к добру, движимый желанием быть полезным другим и употреблять свой талант на общее благо. Верный портрет поэта найдем мы в его бессмертной поэме. Автор ее – человек гордый, благородный, впечатлительный, страстный, с возвышенной душой, с живой верой, твердый до непоколебимости, способный к самым тонким, нежным и в то же время к самым бурным чувствам, – ум широкий, смелый, пронзительный. Даже в слабостях его, столь свойственных человеческой природе, есть нечто возвышенное и благородное. Он с такой простотой признает свои ошибки, так искренне, например, сожалеет, что не может избавиться от гордости. . . Несчастья, обрушившиеся на него, не только не ослабили его воли, не унизили его, а напротив, закалили, подняли его еще выше. Этот человек неуклонно и крепко держался своих убеждений и не уступал судьбе. Он внес в искусство элемент свободы и провозгласил начало независимости. Всюду и всегда он является одним и тем же, – человеком, душа которого сочувствует всему, что велико и благородно, который чтит энергию даже в своих врагах, проникается благородным негодованием при виде всякой несправедливости, который способен на самую страшную сатиру, на самое беспощадное бичевание и в то же время на самое нежное сочувствие к страждущему человечеству. Ярый его гнев и глубокая скорбь по отношению к толпе людей-зверей, носящих человеческий облик, как он выражается, вызваны тем, что идея неразлучности красоты и добродетели для Данте – жизненная идея, душа мира. Но видя красоту и не находя добродетели, он чувствует в жизни разлад, который его возмущает.

Слава Данте после смерти его все более и более расширялась и росла. В XVII и XVIII

веках было, правда, некоторое затишье в поклонении творцу «Божественной Комедии», – поклонении более чем когда-либо сильном в наше время. Изучение Данте идет полным ходом в Англии, Германии, Франции и Америке, и выдающиеся литературные представители этих стран способствуют лучшему пониманию творчества поэта. Для изучения «Божественной Комедии» основано много обществ, о ней читаются рефераты и лекции, печатаются на всех языках ее переводы. В числе французских переводов «Божественной Комедии» отметим перевод в прозе Ламене и в стихах – Ратисбонна. Особенно много переводов поэмы в Германии: среди них выделяются переводы Витте, Каннегиссера, Штрекфуса, Копиша, Филалета (короля Саксонии Иоанна), и другие. В Англии имеются прекрасные переводы Кери и Райта. У нас, в России, было сделано несколько попыток перевести «Божественную Комедию». Первый по времени перевод в прозе – Фан-Дима, именно в 1843 году, затем, в 1855 году, перевод в стихах Мина, очень доб-

росовестный, но теперь уже несколько устаревший, и, наконец, переводы Минаева и Петрова в стихах и Зарудного – в прозе.

Живопись, скульптура и музыка также вдохновлялись поэмой Данте. Такие художники, как Микеланджело, Рафаэль, Перуджино, Ари Шефер и другие брали темы из нее. Ферраци насчитывает более 120 произведений живописи и скульптуры, созданных на основе «Божественной Комедии»; а из музыкальных произведений, вдохновленных ею, укажем на известную симфонию Листа «Божественная Комедия».

Именем Данте полна итальянская литература; образ его властвует над его временем и над следующими поколениями. Необычайно величаво возвышается перед нами мрачная по наружности, но изумительно мягкая и любящая на самом деле фигура «сурового флорентийца», – и слава его, пройдя через шесть веков, не только не померкла, но блеск ее становится все сильнее и ярче.